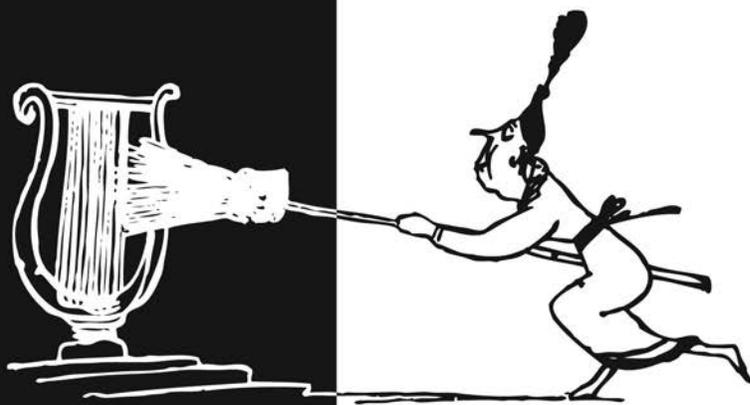
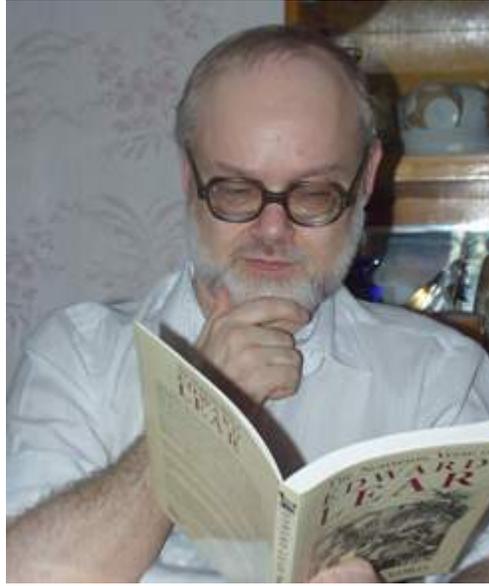

Edward Лип

Edward Лип Полный Nonsense!

Полный Nonsense!

БОРИС АРХИПЦЕВ

Родился (в 1950 г.) и всю жизнь живу в Коломне. По образованию – учитель английского языка, по призванию души – переводчик поэзии нонсенса (переводил также Байрона, Лонгфелло, Саклинга, народную поэзию). Статьи и переводы публиковались в журналах «Иностранная литература», «Иностранные языки в школе», в газетах «Московский комсомолец», «Русская мысль» (Париж), «English», в программах Русской службы Би-би-си, на сайте «Век перевода». Автор книг «Edward Lear. Лимерики» (Коломна, 1994) и «Полный нонсенс! Эдвард Лир по-английски и по-русски» (в рукописи).

Я Лира посвятил народу своему

Предисловие к двуязычной книге «**Full Nonsense! Edward Lear in English and in Russian. Полный нонсенс! Эдвард Лир по-английски и по-русски**»

Вряд ли есть другая страна на глобусе, у которой было бы столько разных, и вполне официальных, имён. Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии. Великобритания. Британия. Англия. Альбион (туманный)... Как нет, пожалуй, другого такого места на земле, где бы здоровый консерватизм нации столь же органично сочетался и естественно уживался с самыми разнообразными, нередко экстремальными, проявлениями человеческой индивидуальности, самобытности, при безоговорочном уважении прав

личности, частной жизни, знаменитого privacy. Места с таким невероятным процентом чудаков, эксцентриков, юродивых, благородно, тихо помешанных среди народонаселения.

И сейчас ещё нередко, к примеру, можно встретить джентльмена, забрасывающего удочку прямо на лужайке в парке и тренирующегося таким образом ловить форель на муху. А train spotters – коллекционеры поездов! Нигде не работающие, а занимающиеся исключительно тем, что записывают номера поездов и места их назначения – в блокнот, а звуки, ими издаваемые, – на диктофон, для домашнего прослушивания.

Два-три столетия назад проявление эксцентризма вообще считалось формой искусства и всячески поощрялось в обществе. Говорили, что эксцентрики «развлекают, раздражают и очаровывают нацию». Они принимали молочные ванны, делили трапезу со сворой собак, надевали по две пары брюк зараз и высовывали ноги из вагона идущего поезда – «для поддержания необходимой температуры тела». Все эти и подобные экстравагантные выходки и привычки подробно и горделиво описаны в английской литературе.

*Некий старец из города Вик
Говорил: «Чик-чивик, чик-чивик,
Чикави, чикаво»;
Сверх того ничего
Не изрёк лаконичный старик.*

Понятно, что именно на этой земле, на британщине, только и могли родиться литературный нонсенс и Эдвард Лир – зачинатель и, как часто и небезосновательно утверждают, единственный истинный представитель его. Там он и родился – в Лондоне, городе знаменитых туманов и смога, этом Туманополисе (Foggorolis), как сам он его называл, весной 1812-го – в один год с Чарльзом Диккенсом, в семье биржевого маклера, двадцатым ребёнком из двадцати одного. Родители уделяли ему мало внимания и душевного тепла, препоручив заботу о воспитании юного Эдварда его старшей сестре Энн, соединявшей, по словам биографа Лира, «строгость принципов и незаурядную силу характера с необычайным очарованием».

Когда мальчику было 13 лет, отец обанкротился и попал в долговую тюрьму. Чтобы вызволить его оттуда (через четыре года), матери пришлось продать дом и большую часть имущества. Эдвард рано вынужден был начать зарабатывать себе на жизнь. Помогли обнаружившиеся у него способности к рисованию, и уже в 15-летнем возрасте он рисует анатомические вывески для врачей, объявления для торговцев, раскрашивает литографии. А в восемнадцать получает от Зоологического общества заказ на серию рисунков коллекции попугаев, собранной в Ридженс Парке. В результате он приобретает репутацию превосходного художника-орнитиста и знакомится с графом Дерби, владельцем роскошного собрания диковинных птиц и животных.

В имении графа, близ Ливерпуля, Лир прожил четыре года, подготовив и издав великолепный том рисунков попугаев, фазанов, сов, обезьян, черепах, змей, упрочивший его славу как художника-анималиста. Там же, в имении Ноусли, он подружился с детьми графа, этими «верными друзьями и ценителями прыганья на одной ножке», и начал сочинять и иллюстрировать для них забавные «бессмысленные» стишки, используя в качестве образца форму, подсмотренную им в довольно редкой книжке – «Приключения пятнадцати джентльменов», изданной в начале 1820-х годов и содержавшей такое, к примеру.

*Худосочный старик из Тобаго,
Долго живший на рисе и саго,
Так себя истязал,
Пока врач не сказал:
«А теперь – бычий бок и малага!»*

Чистый лимерик, заметит современный начитанный и наблюдательный читатель. И будет прав... только наполовину. Ни Лир, ни, уж тем более, безымянные авторы упомянутой занятной книжки термина этого не употребляли, а возможно, и не знали (Лир предпочитал – «нонсенс», «бесмыслица»). Название «лимерик» (иначе – лимрик) утвердилось лишь в конце XIX века, а восходит оно, похоже, к одноимённому городу в Ирландии (Limerick), жители коего, сказывают, любили во время застолий распевать весёлые песни, этакие частушки, в озорной, шутливой форме живописующие события диковинные либо маловероятные, а также деяния сотрапезников и собутыльников. Уже в наше время была выдвинута любопытная гипотеза происхождения названия «лимерик» от имени самого Лиры (Lear+lyric), но это, пожалуй, слишком экстравагантно и фантастично, чтобы быть правдой.

Год 1846-й оказался поистине судьбоносным для Эдварда Лиры. Один за другим увидели свет сразу три его печатных труда: альбом пейзажей (и описаний) Италии, альбом рисунков экзотических питомцев графа Дерби и миниатюрная книжица (томов премногих тяжелей, однако) «A Book of Nonsense» – «Книга нонсенса», сборник забавных пятистиший, каждое из которых было любовно проиллюстрировано автором. Любопытно, что первую поэтическую книжку, за которой последуют ещё несколько, как бы стесняясь своего литературного дара, Лир выпустил под псевдонимом – «Дерри из Дерри». «Первенец» имел ошеломляющий успех, многожды допечатывался, переиздавался, и третье издание, 1861 года, уже украшало подлинное имя сочинителя.

*Обожал старый Дерри из Дерри,
Чтобы радостно дети галдели;
Он им книжку принёс
И смешил их до слёз,
Славный Дерри из города Дерри.*

Персонажи «Книги нонсенса», натурально, предавались всевозможным чудачествам: стояли на голове, отплясывали кадрили с воронами, ели краску или кашу, заправленную мышами, обучали ходьбе рыб, жили в птичьих гнёздах и в кратерах вулканов, etc.

*Кудреватый старик из Перу
Всё не знал, чем заняться в миру;
Неуклюж, как медведь,
Выдрал кудри на треть
Лысоватый старик из Перу.*

В лимерике, несмотря на предельный лаконизм и примитивное, на первый взгляд, содержание, довольно много чего происходит, в нём, как тонко подметил один вдумчивый исследователь, найдена золотая середина между растянутостью романа и чрезмерной краткостью пословицы. И сюжет, как правило, развивается по классической схеме: завязка,

развитие, кульминация, развязка. И форма отнюдь не проста – непременно пять строк, непременно анапест и весьма хитрая рифмовка, аабба.

*Был один старичок из Непала,
Он с коня полетел как попало:
Был один – стало два;
Крепким клеем едва
Склеен был старичок из Непала.*

В том же 1846 году уроки рисования у Лира, наслышавшись о его талантах, брала сама королева Виктория. Ученица и учитель остались довольны друг другом, а Лир продолжал карьеру художника до конца дней, «переквалифицировавшись», впрочем, в «топографического пейзажиста», по его собственному признанию.

Отличаясь слабым здоровьем, терпя жестокие приступы эпилепсии, страдая хроническим бронхитом и астмой, Лир вынужден был покинуть родные острова с их сырым, холодным климатом и колесить по свету в поисках работы и вдохновения. Италия, Греция, Албания, Мальта, Египет, Индия, Цейлон нашли отражение как в его живописных и графических произведениях, так и в стихах. И за границей он всё с тем же упорством искал (и находил!) столь милых его сердцу чудаков и оригиналов.

*Жердевидный старик из Кашмира
Был курьёзом восточного мира;
Навалясь на забор,
Он часами в упор
Наблюдал жирных уток Кашмира.*

Или просто приписывал черты эксцентризма французам, итальянцам, грекам, молдаванам...

*Был курьёзный старик из Молдавии,
И подобных едва ли видали вы;
На свету и во мгле
Почивал на столе
Ненасытный старик из Молдавии.*

А сколь часто на «портретах» персонажей проступают черты самого автора – его бородатость, лысоватость, шаровидность и особенно – легендарная носовитость!

*Рёк старик с выдающимся носом:
«Коли вы зададитесь вопросом,
Не велик ли мой нос, –
Это праздный вопрос!
Так оставьте его под вопросом».*

Иногда герои лимериков переживают сердечные драмы.

*Синьорина из города Лукки,
Изнывая в любовной разлуке,
Взгромоздясь на платан,
Спела там «Трам-там-там!»
К замешательству жителей Лукки.*

А подчас – и подлинные трагедии.

*Равномерная дева из Кью,
Равномерность утратя свою,
Истребила, увы,
Фунт горячей халвы,
И скончалась девица из Кью.*

А уж с непониманием и неприязнью окружающих сталкиваются они на каждом шагу.

*Долгоногий старик из Дамблейна
Цаплевиден был до изумлейнья;
Горожане строги:
«Коли ноги долги,
Вам бы, право, покинуть Дамблейн, а?»*

У них собственные представления об одежде...

*Очертанья девицы в зелёном
Расплываются под балахоном;
Это длинная шаль,
Под которою жаль,
Что не видно девицы в зелёном.*

... и свои предпочтения в еде.

*Некий старец из города Дин
В день съедал два боба иль один.
«Если я переем,
Располнею совсем», –
Осторожничал сей господин.*

В своих вечных странствиях Лир границ российской земли не достиг, однако воображение нередко уносило его и туда.

*Голосила девица в России,
Хоть её помолчать все просили;
Слушать не было сил,
Сроду не горлосил
Так никто, как девица в России.*

Эдвард Лир завершил свой жизненный путь в 1888 году. Этот болезненный, неприкаянный человек, одиночество которого скрашивал только верный кот Фосс, прожил 76 лет, оставив

потомкам небольшое, по привычным меркам, но удивительно цельное творческое наследие. Поэзия его светла и редкостно человечна, она жизнеутверждающа: ни одной мёртвой или злой строчки!

Лир оказал заметное влияние на литературу XX века – как на поэзию, так и на прозу. Д. Хармс называл его в ряду своих самых любимых авторов. Сочинением лимериков «баловались» Р. Киплинг, Дж. Голсуорси, Дж. Джойс и ещё сотни и тысячи известных и безымянных пиитов, не только в Англии, но в России и в разных других уголках земли.

У нас традиция перевода Лира насчитывает уже около столетия. Глубина и обаяние лировских миниатюр таковы, что привлекают всё новых и новых интерпретаторов, позволяя каждому внести что-то своё в прочтение таких бесхитростных, на поверхностный взгляд, стишков.

Количество, однако, не всегда гарантирует качество, и многочисленные попытки приведения Лира к русскоязычному читателю на поверку чаще всего оказываются не переводами в собственном смысле слова, а, в лучшем случае – вольными пересказами или, того хлеще – своевольными переложениями, а то и вовсе – фривольными подражаниями Лиру, виршами собственного сочинения, по непонятной (или, напротив, очень даже понятной!) причине приписываемыми гению нонсенса.

Ещё бы полбеды, что никто не заботится сохранять оригинальные географические названия, место действия лимериков, но уже прямо беда, когда волюнтаристски меняют национальность, а подчас и пол (!) персонажей, содержание кромсают и перекраивают на свой вкус, оставляя лишь самую общую сюжетную канву, буквально рожки да ножки от авторского замысла, при этом щедро делясь с ним, автором, собственным житейским опытом и избыточным чувством юмора и всячески стремясь сделать бессмыслицы более смешными и – что уж совсем смешно и бессмысленно – логичными!

Эдвард Лир при жизни опубликовал в нескольких книжках 212 лимериков. Вот их-то все сто с лишком лет и перетолмачивали. Однако изредка лироведам удаётся откопать нечто новенькое, такое, что удивляет и потрясает читающий мир. Так, видный современный английский художник-иллюстратор Джон Вернон Лорд, влюблённый в Лира, потратил несколько лет жизни, чтобы буквально по крупичкам собрать то, что осталось после поэта неизданным, и недавно обнародовал ещё 26 (!) прелестных стишков, среди коих попадаются и чистые шедевры.

Заново переводить неоднократно до того переведённое и очень интересно – льстишь себя надеждой учесть ошибки предшественников и хоть чуточку приблизиться к истине, сделав перевод наиболее оригинальным, то есть приближенным к Оригину, и крайне сложно – ведь впередиидущие, в конце концов, уже использовали многие хорошие русские слова, повторять которые негоже! Но не менее заманчиво самому в чём-то оказаться первопроходцем, высказав по-русски то, что прежде на великом и могучем ещё не звучало.

*У преклонной старушки из Лиса
Рот беззубый запал и ввалился;
Вставив новую челюсть,
«Это чтоб лучше елось», –
Говорила старушка из Лиса.*

Эта книга, плод двенадцатилетнего радостного труда, – самое полное собрание лировских лимериков и баллад в наиболее адекватном и точном, на сегодняшний день, русском переводе. За годы работы я не просто влюбился в Эдварда Лира, но сроднился, сжился, сросся с ним. Надеюсь, что и вы, любезный читатель, полюбите короля нонсенса так же, как люблю его я, ибо невозможно устоять перед обаянием человека, сказавшего о себе с мягкой улыбкой: «Как приятно знать мистера Лира! // Исписал он тома чепухой!»

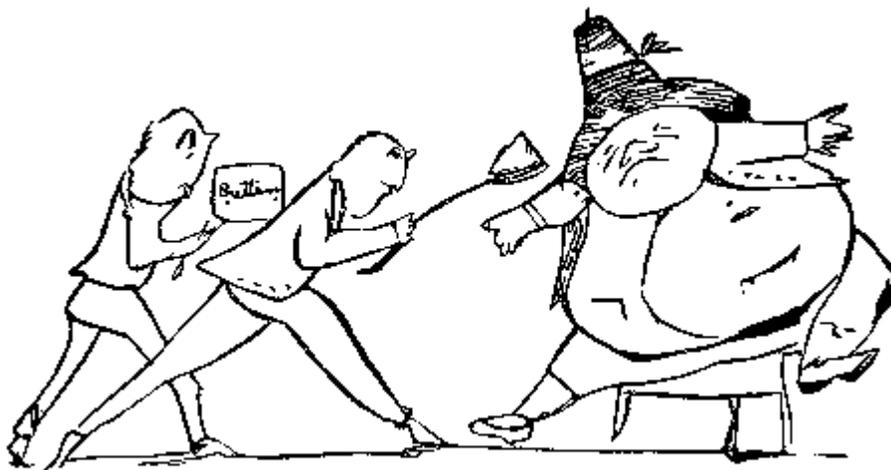
Борис АРХИПЦЕВ.

Буду искренне признателен каждому: коллеге-переводчику, серьёзному эксперту-профессионалу, знатоку жанра, любителю поэзии нонсенса, потрудившемуся проанализировать и сопоставить существующие интерпретации, - кто пожелает поделиться своими выводами, мыслями и наблюдениями.

ЭДВАРД ЛИР

(1812-1888)

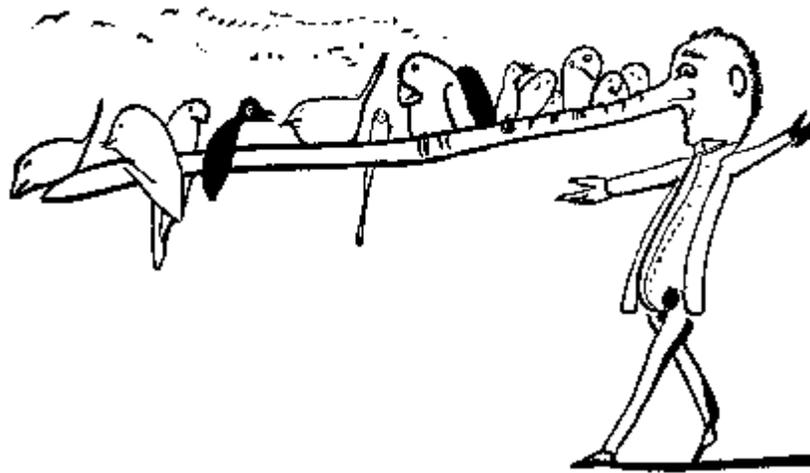
Лимерики

There was an Old Person of Prague,
Who was suddenly seized with the Plague;

But they gave him some butter,
Which caused him to mutter,
And cured that Old Person of Prague.

Жил да был некий старец из Праги,
Злоключилась чума у бедняги;
Так бы жизнь и угасла,
Да коровьего масла
Дали вовремя старцу из Праги.

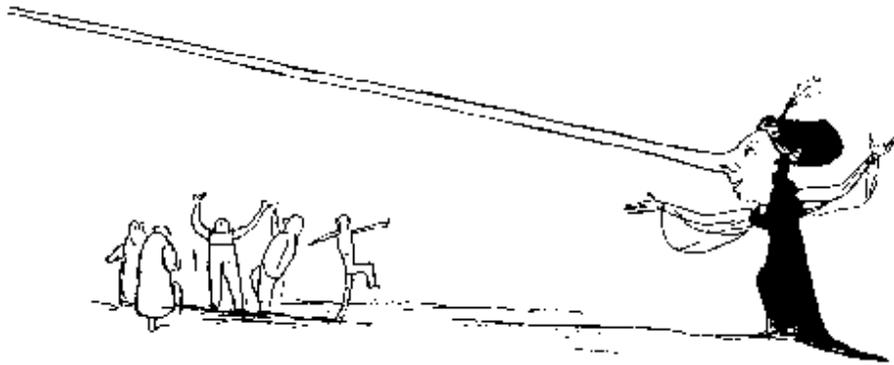
There was an Old Man, on whose nose,
Most birds of the air could repose;
But they all flew away
At the closing of day,
Which relieved that Old Man and his nose.

На носу старика-долгоноста
Помещалось легко пташек до ста;
Но, едва эти стаи
На ночлег улетали,
Облегченье испытывал нос-то.

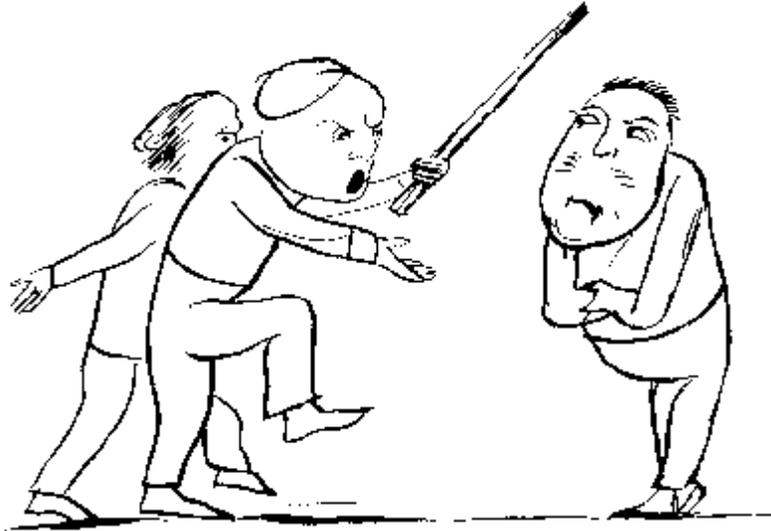
There was a young lady of Firle,
Whose hair was addicted to curl;
It curled up a tree,
And all over the sea,
That expansive young lady of Firle.

Молодая особа из Фёрла
Кольцевидные кудри простёрла
Вверх по древу, и вскоре
Всё опугала море
Экспансивная леди из Фёрла.

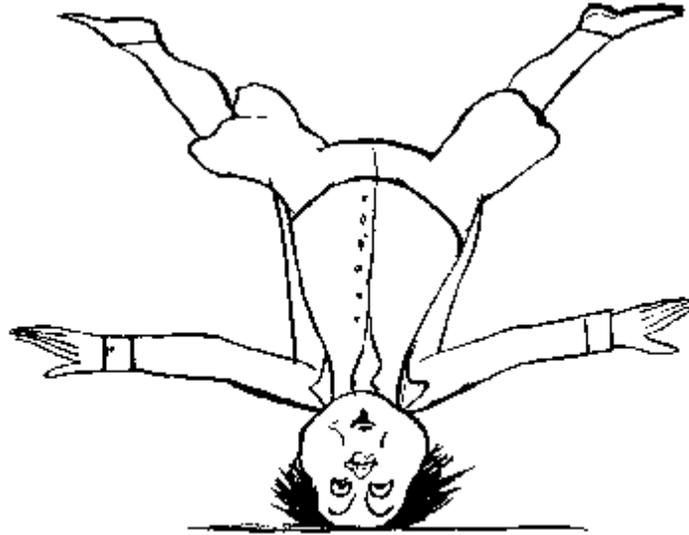
There was a young lady, whose nose,
Continually prospers and grows;
When it grew out of sight,
She exclaimed in a fright,
'Oh! Farewell to the end of my nose!'

Есть девица, а нос у девицы
Удлинитья всемерно стремится;
Кончик носа как раз
Скрылся с девиных глаз.
«О, прощай!» – закричала девица.

There was an old person of Sark,
Who made an unpleasant remark;
But they said, 'Don't you see
What a brute you must be!
You obnoxious old person of Sark.'

С языка старикашки из Сарка
Сорвалась площадная ремарка;
Тут ему попеняли:
«Ну не зверь, не свинья ли
Вы, разнузданный старец из Сарка!»

There was an old man of Port Grigor,
Whose actions were noted for vigour;
He stood on his head,
Till his waistcoat turned red,
That eclectic old man of Port Grigor.

Энергичный старик из Порт-Григора
На макушке стоял, ножкой дрыгая;
И случалось нередко,
Что краснела жилетка
На эклектике том из Порт-Григора.

There was an old person of Newry,
Whose manners were tinctured with fury;
He tore all the rugs,

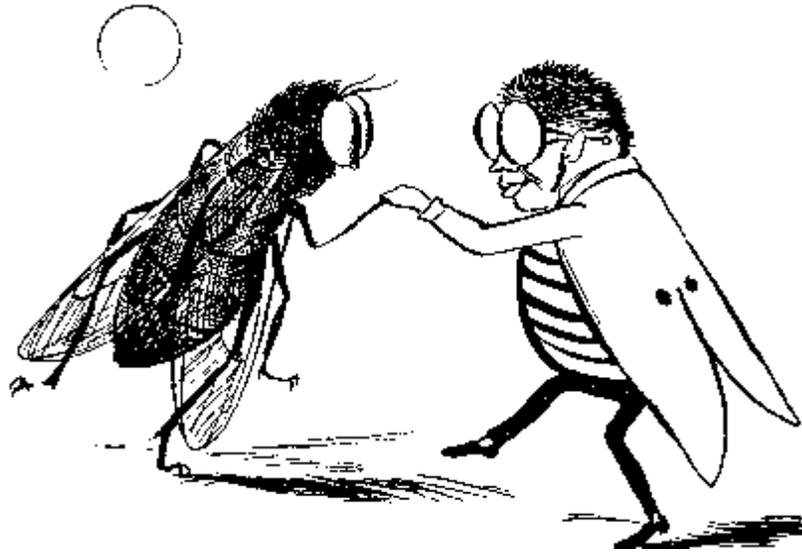
And broke all the jugs
Within twenty miles' distance of Newry.

Буйный старец из города Ньюри
Бушевал наподобие бури;
Ткань, стекло и металл
Рвал, колот и метал
Миль на двадцать в окрестностях Ньюри.

There was an old person of Wilts,
Who constantly walked upon stilts;
He wreathed them with lilies,
And daffy-down-dillies,
That elegant person of Wilts.

Элегантный старик, житель Вилтса,
На ходули всегда становился;
Для гармонидиллии
Он нарц-вниз-сы и влилии
В те ходули вплести норовил всё.

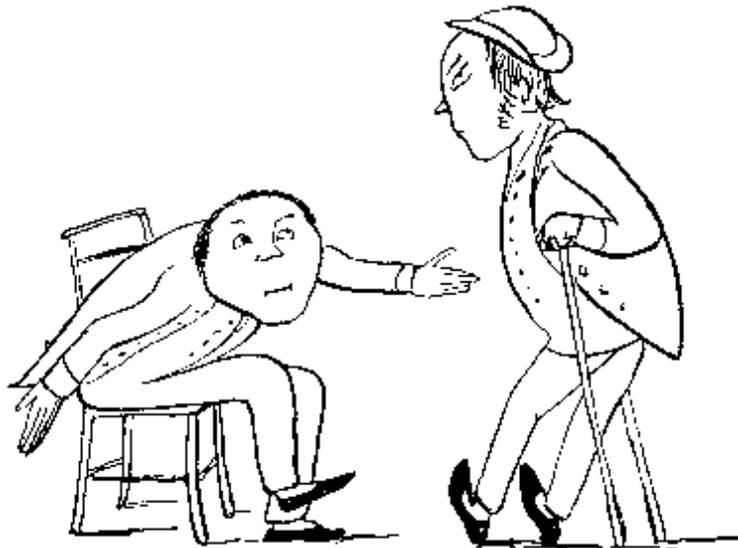
There was an old person of Skye,
Who waltz'd with a Bluebottle fly;
They buzz'd a sweet tune,
To the light of the moon,
And entranced all the people of Skye.

Отличился старик, житель Ская,
В танце муху кружа и таская;
И жужжали оне
Томный вальс при луне
К удовольствию жителей Ская.

There was an old person of Ickley,
Who could not abide to ride quickly;
He rode to Karnak,
On a tortoise's back,
That moony old person of Ickley.

Старика, обитавшего в Икли,
Быстро скачущим видеть отвыкли;
Для поездки в Карнак
Черепаху запряг
Сей старик луноватый из Икли.

There was an old person of Deal,
Who in walking, used only his heel;
When they said, 'Tell us why?'
He made no reply;
That mysterious old person of Deal.

Странный старец из города Дил
Постоянно на пятках ходил.
«Ходишь так почему?» –
Приставали к нему;
Он молчал и ходил всё, ходил.

There was an old man of Spithead,
Who opened the window, and said,
 'Fil-jomble, fil-jumble,
 Fil-rumble-come-tumble!'
That doubtful old man of Spithead.

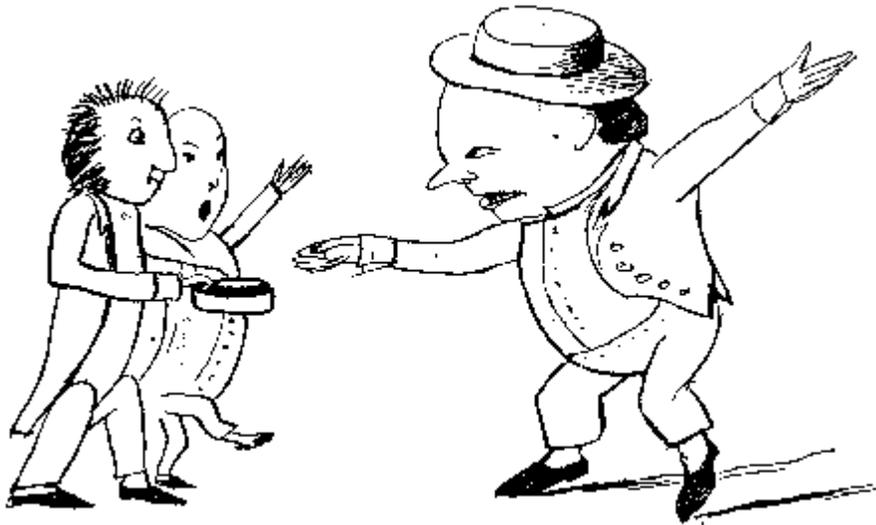
Был один старичок из Спитхеда,
Он окно открывал, и отсюда:
«Фил-джомбал, фил-джамбал,
Фил-рамбал, кам-тамбал», –
Бормотамбал старик из Спитхеда.

There was an old person of Loo,
Who said, 'What on earth shall I do?'
When they said, 'Go away!'

She continued to stay,
That vexatious old person of Loo.

«Что мне делать?» – старушка из Ло
Вопрошает капризно и зло.
Ей в ответ: «Прочь пошла!»
Но стоит, где была,
Беспокойная леди из Ло.

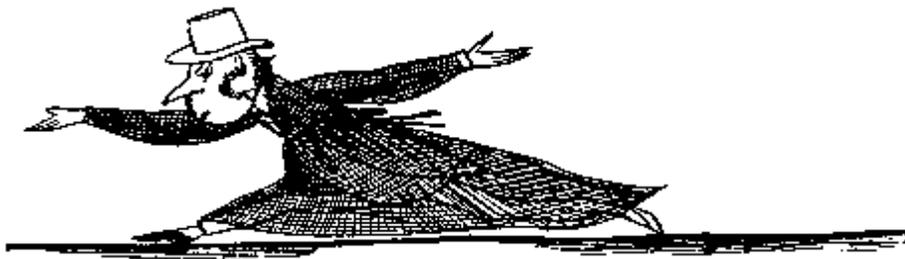
There was an old man at a station,
Who made a promiscuous oration;
But they said, 'Take some snuff!
You have talk'd quite enough
You afflicting old man at a station!'

Пустословил старик на вокзале,
Но ему деликатно сказали:
Мол, нюхни табачку!
Не к лицу старичку
Беспокоить народ на вокзале!

There was a young person in pink,
Who called out for something to drink;
But they said, 'Oh my daughter,
There's nothing but water!'
Which vexed that young person in pink.

В розоватом наряде девица
Попросила однажды напиться;
Но ответили ей:
«Воду, милочка, пей!»
Огорчилась ужасно девица.

There was an Old Man on a hill,
Who seldom, if ever, stood still;
He ran up and down,
In his Grandmother's gown,
Which adorned that Old Man on a hill.

На холме был подвижный старик,
Не прилѣг, не присел ни на миг;

Вверх и вниз всё резвей
В платье бабки своей
Прихорошенный бегал старик.

There was a Young Lady whose bonnet
Came untied when the birds sate upon it;
But she said, 'I don't care!
All the birds in the air
Are welcome to sit on my bonnet!'

Шляпку некой прелестной девицы
Растрепали небесные птицы;
А она веселится:
Мол, сама этих птиц я
Приглашала на шляпку садиться!

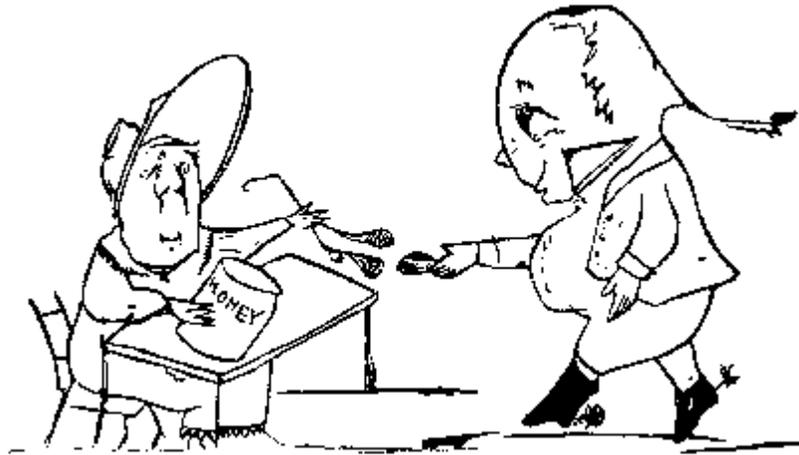
There was a Young Person of Smyrna,
Whose Grandmother threatened to burn her;
But she seized on the cat,
And said, 'Granny, burn that!
You incongruous Old Woman of Smyrna!'

Старушонка из города Смирны
Внучку сжечь угрожала настырно;
Но и та не проста –
Хвать в охапку кота:
«Жги его, злая бабка из Смирны!»

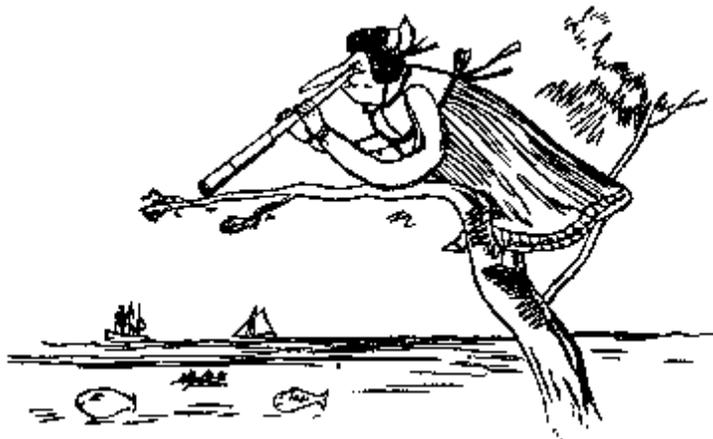
There was a Young Lady whose chin
Resembled the point of a pin;
So she had it made sharp,
And purchased a harp,
And played several tunes with her chin.

Подбородок у юной девицы
Был подобием кончика спицы;
Посильней заострив,
Популярный мотив
Им на арфе сыграла девица.

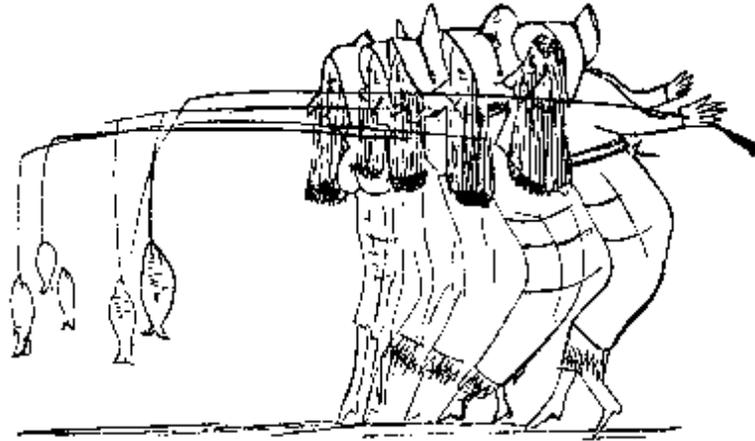
There was an Old Man of Kilkenny,
Who never had more than a penny;
He spent all that money,
In onions and honey,
That wayward Old Man of Kilkenny.

В кошельке старика из Килкенни
Никогда не водилось и пенни;
Тратил скудный доход
Весь на лук да на мёд
Тот причудливый мот из Килкенни.

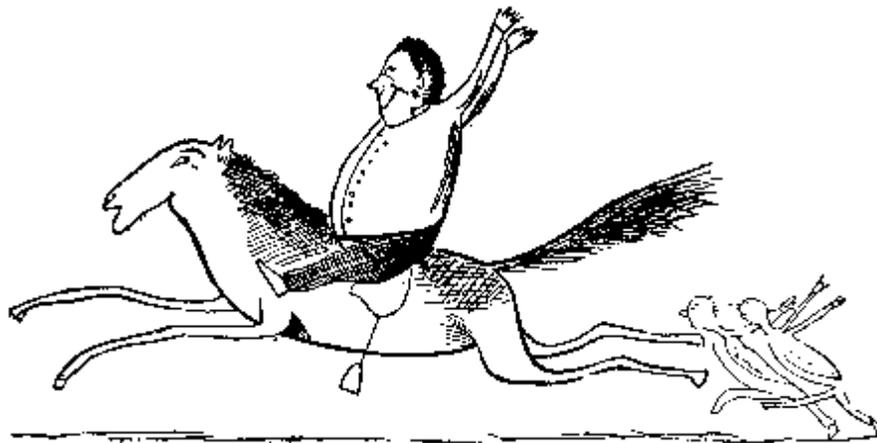
There was a Young Lady of Portugal,
Whose ideas were excessively nautical;
She climbed up a tree,
To examine the sea,
But declared she would never leave Portugal.

Дева юная из Португалии
Всё рвалась в океанские дали и
С крон деревьев то и дело
В сине море глядела,
Но осталась верна Португалии.

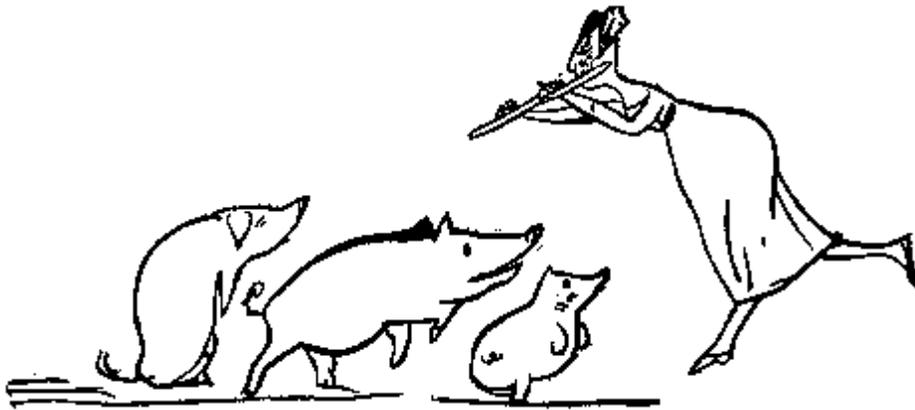
There was an Old Man of Marseilles,
Whose daughters wore bottle-green veils;
They caught several Fish,
Which they put in a dish,
And sent to their Pa' at Marseilles.

Пять сестёр, зелены их вуали,
Из залива макрель добывали
И на блюде макрель
Неизменно в Марсель,
Дорогому папа, отправляли.

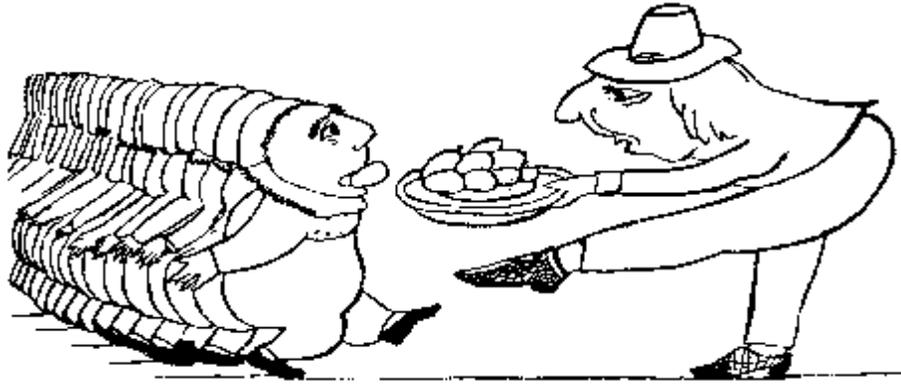
There was an Old Person of Basing,
Whose presence of mind was amazing;
He purchased a steed,
Which he rode at full speed,
And escaped from the people of Basing.

Некий старец из города Бейсинга
Никогда не терял равновейсинга;
И, купив скакуна,
Ускакал старина
Прочь от жителей города Бейсинга.

The was a Young Lady of Bute,
Who played on a silver-gilt flute;
She played several jigs,
To her uncle's white pigs,
That amusing Young Lady of Bute.

Молодая флейтистка из Бьюта
В руки флейту взяла на минуту
И сыграла на ней
Пару джиг для свиней
Престарелого дяди из Бьюта.

There was an Old Man of Apulia,
Whose conduct was very peculiar;
He fed twenty sons,
Upon nothing but buns,
That whimsical man of Apulia.

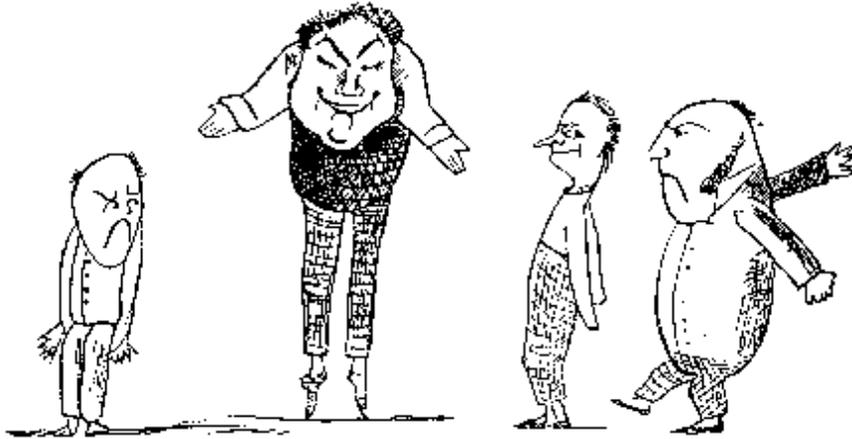
Прихотливый старик из Апулии
Слыл заботливым, нежным папулею
Двадцати сыновей;
И кормил их, ей-ей,
Только сдобой старик из Апулии.

There was an Old Person of Rhodes,
Who strongly objected to toads;
He paid several cousins,
To catch them by dozens,
That futile Old Person of Rhodes.

Мелкий старец на острове Родос,
Ненавидевший жабыю породу-с,

Нанял бойких кузин
Из болот и низин
Повылавливать эту породу-с.

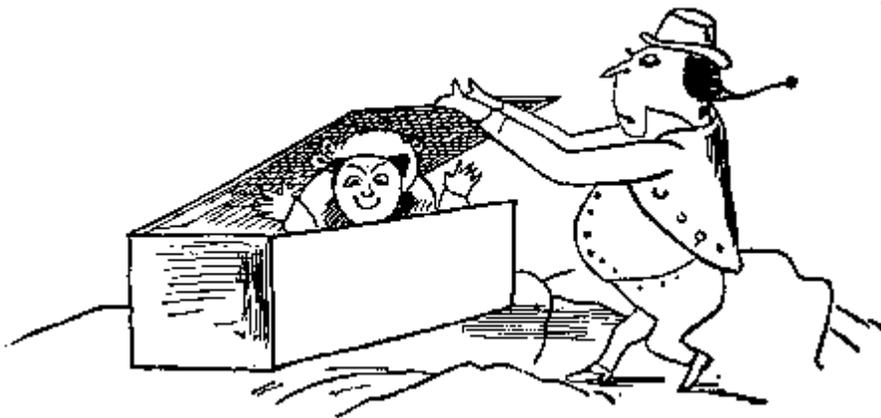
There was an Old Man of Melrose,
Who walked on the tips of his toes;
But they said, 'It ain't pleasant,
To see you at present,
You stupid Old Man of Melrose.'

Глуповатный старик из Мельрозы,
Принимая изящные позы,
На мысочках ходил,
Но в прохожих будил
Раздраженье и слышал угрозы.

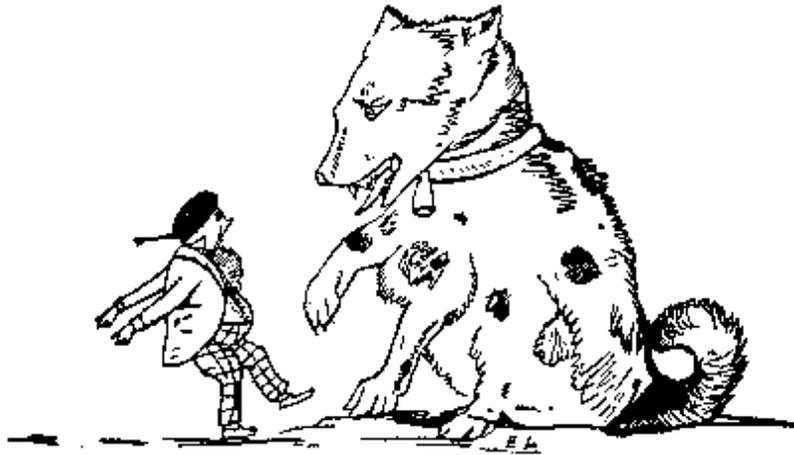
There was an Old Person of Troy,
Whose drink was warm brandy and soy,
Which he took with a spoon,
By the light of the moon,
In sight of the city of Troy.

Некий старец из города Трои
Тёплый бренди и соус из сои
Лил в столовую ложку
И вкушал понемножку
При луне на окраине Трои.

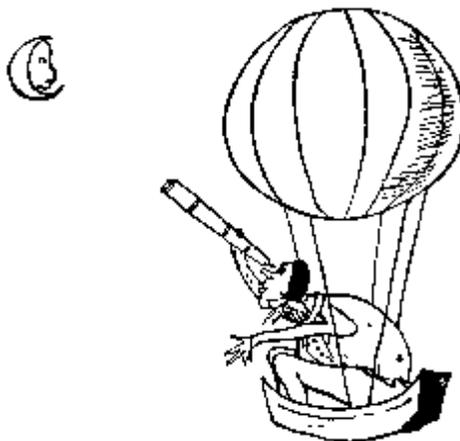
There was an Old Man on some rocks,
Who shut his wife up in a box;
When she said, 'Let me out!'
He exclaimed, 'Without doubt,
You will pass all your life in that box.'

Жил на скалах старик вдалеке,
Он супругу закрыл в сундуке;
А на все её пени
Отвечал: «Без сомнений,
Ты всю жизнь просидишь в сундуке».

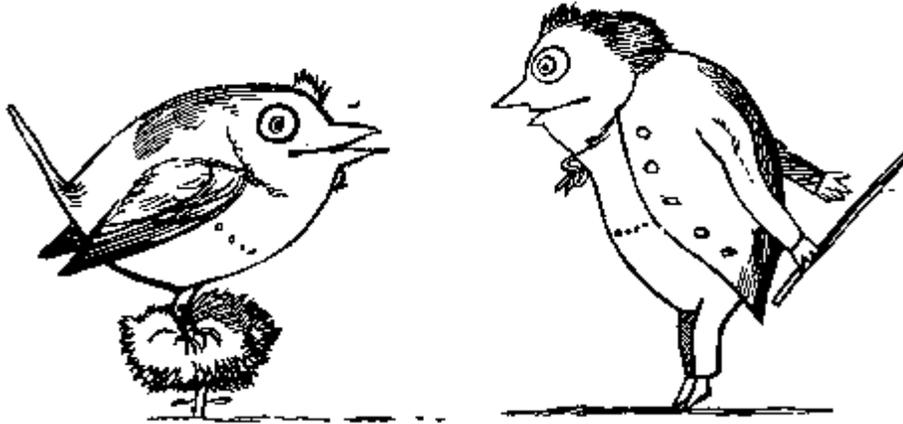
There was an Old Man of Leghorn,
The smallest that ever was born;
But quickly snapped up he
Was once by a puppy,
Who devoured that Old Man of Leghorn.

Был один старичок из Ливорно,
Самый крошечный в мире, бесспорно;
Но какой-то щенок
Раз его подстерёг
И сожрал старичка из Ливорно.

There was an Old Man of the Hague,
Whose ideas were excessively vague;
He built a balloon
To examine the moon,
That deluded Old Man of the Hague.

Иллюзорный старик из Гааги
Сделал шар из тряпья и бумаги;
Воспарил в высоту
И взирал на луну
Тот подзорный старик из Гааги.

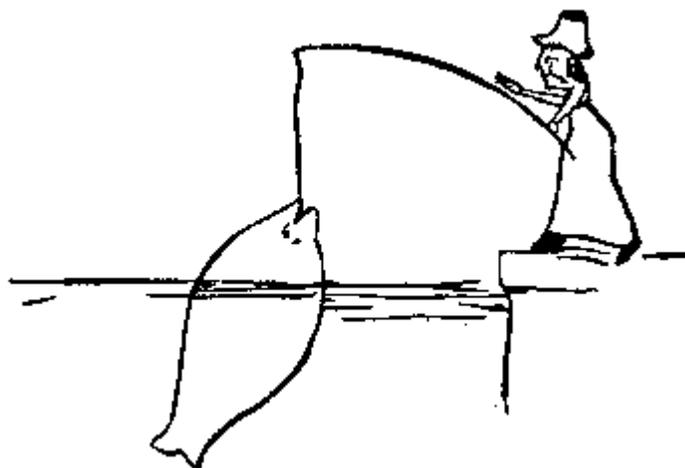
There was an Old Man who said, 'Hush!
I perceive a young bird in this bush!'
When they said, 'Is it small?'
He replied, 'Not at all!
It is four times as big as the bush!'

Старичок призывал к тишине: «Тс-с!
На кусте притаился птене-тс-с!»
«Птенчик, знать, невелик?»
«Чушь! – ответил старик. –
Как четыре куста, сей птене-тс-с!»

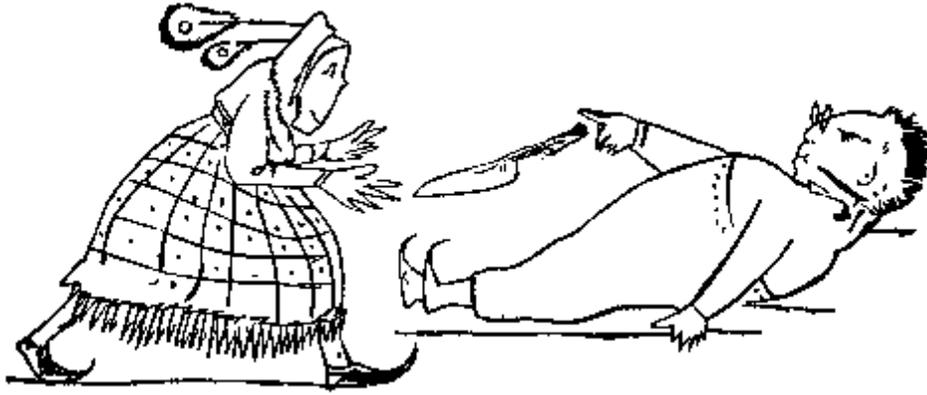
There was an Old Person of Spain,
Who hated all trouble and pain;
So he sat on a chair,
With his feet in the air,
That umbrageous Old Person of Spain.

Ненавидел старик из Испании
Треволненья, труды и страдания;
Восседа, экий нрав,
Кверху ноги задрав,
Жизнесидкий старик из Испании.

There was a Young Lady of Wales,
Who caught a large fish without scales;
When she lifted her hook,
She exclaimed, 'Only look!'
That ecstatic Young Lady of Wales.

Изловила девица из Уэльса
Карся – бесчешуйное тельце;
Вынув рыбку из вод,
Закричала: «Ну вот!»
Экстатичная леди из Уэльса.

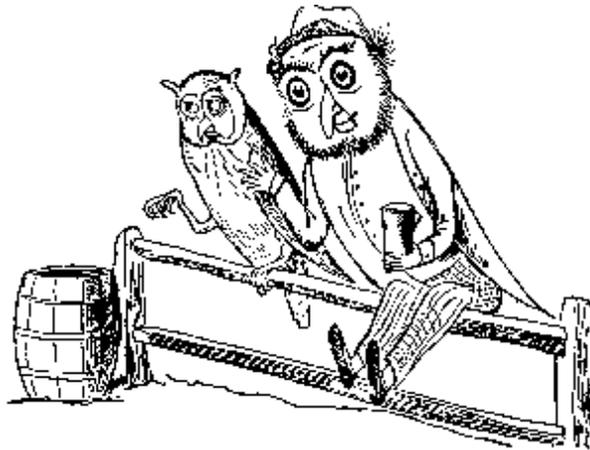
There was an Old Person of Tartary,
Who divided his jugular artery;
But he screeched to his wife,
And she said, 'Oh, my life!
Your death will be felt by all Tartary!'

Полоснул старичок из Татарии
Тесаком да по сонной артарии,
Что-то крикнув жене;
Та в ответ: «Горе мне!
Горе всей безутешной Татарии!»

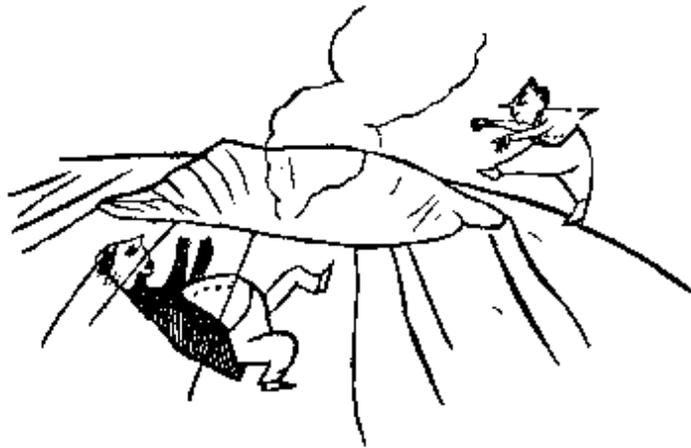
There was an Old Person of Chester,
Whom several small children did pester;
They threw some large stones,
Which broke most of his bones,
And displeased that Old Person of Chester.

Был старик, ребяташки из Честера
Покусились на жизнь и на честь его;
Хоть малы, тем не менее,
Забросали камнями,
Размозжив старикашку из Честера.

There was an Old Man with an owl,
Who continued to bother and howl;
He sat on a rail
And imbibed bitter ale,
Which refreshed that Old Man and his owl.

Был один старикашка с совой;
Постоянно сидел сам не свой,
Примостясь на заборе,
И в печали и горе
Пиво дул и делился с совой.

There was an Old Person of Gretna,
Who rushed down the crater of Etna;
When they said, 'Is it hot?'
He replied, 'No, it's not!'
That mendacious Old Person of Gretna.

Некий старец из города Гретны
Обнаружился в кратере Этны.
«Там не жарко, скажи?»
Старец, склонный ко лжи,
«Да ничуть!» – отвечает из Этны.

There was an old man of Hong Kong,
Who never did anything wrong;
He lay on his back,
With his head in a sack,
That innocuous old man of Hong Kong.

Был старик из местечка Гонкон,
Почитавший моральный закон;
Он лежал в уголке,
Головою в мешке,
И милейшим прослыл стариком.

There was a young lady in white,
Who looked out at the depths of the night;
But the birds of the air,
Filled her heart with despair,
And oppressed that young lady in white.

По ночам в чём-то белом девица
Обожала на небо дивиться;
Но небесные птицы
Омрачили девицу,
И с тех пор уж она не дивится.

Epitaph

‘Beneath these high Cathedral stairs
Lie the remains of Susan Pares.
Her name was Wiggs, it was not Pares,
But Pares was put to rhyme with stairs.’

Эпитафия

Под лестницей сего собора
Почиет в мире Сьюзан Торо.
По правде – Уиггз, отнюдь не Торо,
А Торо – рифма для «собора».

The Self-Portrait of the Laureate of Nonsense

How pleasant to know Mr Lear!
Who has written such volumes of stuff!
Some think him ill-tempered and queer,
But a few think him pleasant enough.

His mind is concrete and fastidious,
His nose is remarkably big;
His visage is more or less hideous,
His beard it resembles a wig.

He has ears, and two eyes, and ten fingers,
Leastways if you reckon two thumbs;
Long ago he was one of the singers,
But now he is one of the dumbs.

He sits in a beautiful parlour,
With hundreds of books on the wall;
He drinks a great deal of Marsala,
But never gets tipsy at all.

He has many friends, laymen and clerical;
Old Foss is the name of his cat;
His body is perfectly spherical,
He weareth a runcible hat.

When he walks in a waterproof white,
The children run after him so!
Calling out, 'He's come out in his night-
Gown, that crazy old Englishman, oh!'

He weeps by the side of the ocean,
He weeps on the top of the hill;
He purchases pancakes and lotion,
And chocolate shrimps from the mill.

He reads but he cannot speak Spanish,
He cannot abide ginger-beer:
Ere the days of his pilgrimage vanish,
How pleasant to know Mr Lear!

Автопортрет лауреата нонсенса

Как приятно знать мистера Лира!
Исписал он тома чепухой!

Для одних он чудак и задира,
Для других – человек неплохой.

Ум его утончён и отточен,
Нос его грандиозно велик;
Он собою хорош, но не очень,
Борода у него – что парик.

У него десять пальцев, два уха,
Пара глаз у него вместе с тем;
Прежде пел он приятно для слуха,
Но впоследствии сделался нем.

Горы книг, фолиантов развалы
Украшают его кабинет;
Пьёт «Марсалу», и пьёт он немало,
Не пьянея ни капли, о нет!

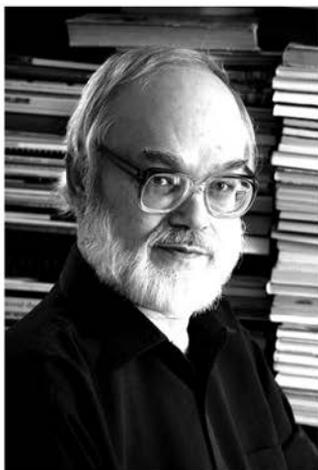
Дружен с клириком он и с мирянином;
И при нём старый Фосс, верный кот;
Телом кругл и изрядно пространен он,
Ходит в шляпке чудной круглый год.

Вот в плаще белоснежном идёт он,
Ребятя надрывается вслед:
«Англичанин идёт, идиот он!
Он в ночную рубаху одет!»

Он рыдает с волной океана,
Плачет он на вершине холма;
Ест блины, льёт лосьон постоянно
И от сладостей он без ума.

По-испански молчит, но читает,
В имбире видит пагубу мира;
И пока его след не растает,
Как приятно знать мистера Лира!

Рис. Э.Лира.

Свобода и точность. Вот два качества, нужные переводчику и... трудносовместимые. А на пространстве пяти строчек лимерика – куда трудней. Но переводы Бориса Архипцева из Лиры этимто и характеризуются – свободой и точностью.

В свое время мне довелось писать рецензию на другое издание Лира («Книга бессмыслиц» в пер. М. Фрейдкина, Москва, 1992. – Б. А.), и я восхищалась весельем и игрой слов в тех переводах. То есть свободой. Но точности там действительно не было – была симпатичная приближительность, радостные прыжки фантазии, часто уносившие перевод за рамки оригинала. Архипцев переводит Эдварда Лира, как благочестивый толковник – Писание: он передает и смысл, и звук. Точен – часто до мельчайших деталей. Звучен – до самой лихой эквилибристики. Надо – англизирует русские слова, а понадобится – просто слова изобретает. Из-за длины русских слов по сравнению с английскими содержание лимерика в переводе часто выезжает в пятую строку, у Лира обычно повторяющуюся. Обычно, но не всегда, так что и тут Архипцев верен своему Лире.

Русская традиция забавы в лимерики известна (возьмем хотя бы лимерики Набокова). Позволю и я себе закончить лимериком, на который меня вдохновило чтение этих переводов:

*Жил да был переводчик в Коломне,
Поскромнее, чем прочие отпи.
Он черкал, чикчирикал,
Лиромил-лимерикал,
Протисал чудо-Лира в Коломне.*

*Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ.
Париж, 23 апреля 2005*